

А.А.Авраменко

Тень Бенциона Шлеймана

Андрей Авраменко
Тень Бенциона Шлеймана

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Авраменко А. А.

Тень Бенциона Шлеймана / А. А. Авраменко — «ЛитРес: Самиздат», 2012

"Из дневника Бенциона Шлеймана: Одним из моих основных жизненных принципов является «никогда не покупать себе то, что больше всего хочешь». Существуют сразу две объективные причины, почему так следует поступать. Причина первая: если ты чего-то по-настоящему хочешь, прямо-таки пылаешь страстью по отношению к какому-то предмету – это значит, что у тебя на его счет имеются очень большие ожидания, great expectations". А вторую причину и другие мысли удивительного Бенциона Шлеймана вы найдете в этой повести. Приятного Вам, вдумчивого чтения.

© Авраменко А. А., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

А.А.Авраменко

**ТЕНЬ
БЕНЦИОНА
ШЛЕЙМАНА**

повесть

СМОЛЕНСК • 2012

Глава 1

Из дневника Бенциона Шлеймана

Одним из моих основных жизненных принципов является «никогда не покупать себе то, что больше всего хочешь».

*Существуют сразу две объективные причины, почему так следует поступать. Причина первая: если ты чего-то по-настоящему хочешь, прямо-таки пылаешь страстью по отношению к какому-то предмету – это значит, что у тебя на его счет имеются очень большие ожидания, *great expectations*. Беда в том, что воображение у человека развито обычно куда сильнее, чем склонность к рациональному мышлению; нам проще фантазировать, приукрасивая реальность, чем критически ее анализировать. Но в жизни часто случается, что наши беспочвенные фантазии рушатся, а ожидания не оправдываются. Это ничего кроме разочарования и печали нам не приносит.*

Вот, перед нами начальник небольшого предприятия. К нему на работу приходит устраиваться новый сотрудник, весь из себя такой правильный и лучезарный: белая рубашечка, галстучек, улыбка до ушей, красный диплом, превосходное резюме... В общем, полный набор. Начальник с радостью берет его на работу, потому что многого ждет от такого сотрудника; в его голове уже рождается картина финансового чуда, которое совершит этот молодой гений; ему грезятся огромные прибыли, принесенные его трудом. Иными словами – начальник сразу делает очень большую ставку на новенького и начинает слишком многого от него ждать. Дело для начальника заканчивается тем, что этот новый сотрудник не оправдывает его высоких надежд (а это, скорее всего, произойдет, потому что его запросы уже начинают переходить в сферы надреального), и он оказывается в пучине разочарования и в полной страсти. Поэтому на работу надо брать среднего сотрудника, который бы просто более-менее удовлетворял профессиональным требованиям. Если он окажется никчемным – что ж... ты от него не многого-то и ожидал, а вот если он наоборот, окрыленный предоставленным ему шансом, добьется вдруг невероятных успехов в работе – это принесет тебе только удовольствие: всегда ведь приятно менять мнение о людях в лучшую сторону. Все это же относится и к вещам.

Вторая причина, почему не стоит покупать то, чего больше всего хочешь – это страх потерять. Если любишь какого-то человека, значит, боишься его потерять; если тебе безумно нравится какая-то вещь, значит, ты боишься, что с ней что-то может случиться. Привожу пример с автомобилями. Пусть какой-нибудь человек хочет себе Lexus, но покупает Opel. Opel – хорошая средняя машина, удовлетворяющая примитивным требованиям к комфорту и желанию оперативно передвигаться по городу, но к ней человек не испытывает такого же фанатизма, как к Lexus'у. Если кто-то поцарапает его машину или хозяин сам невольно разобьет бампер о притаившийся в тени двора пень – он, безусловно, расстроится, но не сильно.

А вот если это произойдет с его любимым и обожаемым Lexus'ом – тут уж беда вселенских масштабов. Так мы становимся рабами собственных же вещей. «Ой, как бы не запачкать костюм от Brioni», «Аккуратнее режьте ветчину – берегите эмаль моих новых тарелок!» и т.д. Любой человек, находящийся в здравом уме, согласится, что быть рабом вещей плохо, поэтому я могу лишь всем посоветовать руководствоваться по жизни моим принципом, ибо перед вещами, от которых вы не в восторге, вы никогда не будете испытывать раболепия. Вещи будут служить вам согласно их прямому функциональному назначению, облегчая жизнь и оставляя вас полновластным хозяином.

Глава 2

Бенцион Шлейман, в отличие от своего отца, Доната Исаевича – высокого, худощавого, с курчавыми волосами и точеным семитским профилем – совершенно не был похож на еврея. Бен был среднего роста, светловолосый, коренастый, с высокими острыми скулами. Помимо своей славянской внешности, доставшейся ему от матери – Надежды Ивановны Кирсановой – Бен и поведением своим не походил на детей «колен Израилевых»: он не произносил, гортанно раскатывая, букву «р», не носил пейсы, не использовал повсеместно в речи суффикс «таки» и не следил за кошерностью употребляемой им в пищу еды. Единственное, что, возможно, хоть как-то роднило его с еврейской нацией, так это – его особое отношение к деньгам. Бен не был чрезмерно скуп или слишком алчен, но он относился к деньгам с определенным уважением. В том, как он их пересчитывал, клал в бумажник, держал в руках, всегда чувствовалась некоторая обрядовость и даже нежность. Ко всему в жизни Бен подходил оценивающе, с позиции: «стоит ли это тех денег или не стоит?» Например, он с легкостью мог отдать сотню рублей за бокал хорошего, первоклассного пива, но вот выбросить 250 рублей на услуги парикмахера казалось ему страшным расточительством.

Доподлинно неизвестно, в силу ли этих меркантильных особенностей своей души или по ряду других причин, но Бенцион Шлейман сейчас переживал серьезный разлад в отношениях со своей девушкой Анастасией. Они сидели за столом на кухне друг напротив друга в напряженном молчании. Бен был внешне спокоен, а вот Настя – раздражена до предела.

– Ты сумасшедший.

– Возможно.

– Нет, ты считаешь, что это нормально? – Настя указала на большой амбарный замок, висящий на шкафчике с посудой. Бен медленно повернул голову и, в очередной раз внимательно посмотрев на дело рук своих, остался доволен.

– Видишь ли, в мире существует бесконечное множество норм нормальности. И то, что наши с тобой понятия о нормах не совпадают, делает меня в твоих глазах ненормальным, хотя с моей точки зрения мое поведение выглядит вполне адекватным и приемлемым...

– Хватит путать мне мозги своими суфизмами!

– Милая, во-первых, «сОфизмами», а во-вторых, т.к. мои рассуждения не содержат в себе логических ошибок, то это делает неправомерным употребление в их адрес даже и этого слова.

– Как же ты меня бесишь!

– Все что я могу сделать, так это попытаться объяснить тебе свою позицию. И, быть может, когда ты меня выслушаешь и поймешь, этим бессмысленным препирательствам настанет конец.

– Давай! Давай, попробуй, объясни мне! Может, я, дура такая, пойму, наконец!

– Хорошо. Предлагаю тебе вспомнить, с чего все это началось. Две недели назад ты попросила меня вымыть посуду, хотя это является *твоей* прямой обязанностью...

– Вот, мерзавец! Один раз! Один-единственный раз за все время, что мы живем вместе, я попросила тебя вымыть посуду! – несмотря на крики и истерику Насти, Бен оставался неколебим – в споре с ней он даже нарочито ослаблял свой голос.

– Повторяю: меня не волнует, сколько раз ты меня просила вымыть посуду, каким ележным голосом и по каким причинам ты это делала. Мытье посуды – это твоя обязанность в доме. И прошу тебя впредь меня не перебивать. Так вот... Две недели назад ты попросила меня вымыть посуду, на что я ответил решительным отказом. Раздраженная, видимо, принципиальностью моего решения, ты *вовсе* отказалась мыть посуду, которая за неделю в полном составе перекочевала из шкафчика в мойку...

– Скажи мне, где? В каком нормальном доме это еще могло произойти?

– После этого, – не обращая ни малейшего внимания на Настю, продолжал Бен, – я несколько дней ел из одноразовой посуды, но такое положение дел меня не устроило. Твой ультиматум грозил затянуться на неопределенный срок, а питаться в собственном доме из пластмассовых тарелок, я посчитал для себя унизительным. Поэтому я вымыл всю посуду, из которой ел до этого, а остальную часть предоставил тебе, включая те две первые тарелки, из-за которых все и началось. Но ты по-прежнему отказывалась их мыть, и при этом стала пользоваться моей посудой...

– Твоей посудой?!

– Да. Раз я ее вымыл, значит, она автоматически становится моей. Так вот, чтобы ты не брала мою посуду, я и повесил на шкафчик этот замок.

– А почему, когда раньше я мыла посуду, она оставалась общей, а когда ее вымыл разок *ты* – она почему-то вдруг стала твоей?

– Потому, что я – мужчина, а ты – женщина, и мыть посуду – это твоя прямая священная обязанность, за которую тебе не полагается никаких привилегий.

– Откуда в тебе только наглость берется, такое говорить?! С чего ты вообще взял, что женщина должна быть посудомойкой без всяких привилегий?!

– Потому, что люди испокон веков жили таким образом. И мать моя с отцом жила точно так же.

– Молчал бы уж. Ты свою мать вообще не знал!

– Мне рассказывал про нее отец, – Бен заметно нахмурился.

– Ну да! Чего еще тебе этот старый жид наплел?

– Не смей! – Бен вскочил и ударил кулаком по столу. Глянув в его глаза, полные яростного кипящего гнева, девушка мгновенно замолчала, потупив глаза к полу. – Не смей так говорить про моего отца! Для меня он – святой человек. Он вырастил меня один, и я обязан ему всем, что у меня есть в жизни.

На какое-то время в комнате воцарилось молчание. Настя испуганно глядела на Бена, пока тот не отвернулся к окну. Бен всегда умел себя сдерживать, но, когда речь заходила об отце – жгучие эмоции растапливали в нем лед хладнокровия.

Донат Исаевич Шлейман родился и вырос в Куйбышеве^{1*}. Закончив институт летом 1975 года он уехал на отдых в Крым, где впервые встретил Надежду Кирсанову. Молодой Доня влюбился в нее с первого взгляда. Вместе они провели счастливое лето, а затем разъехались в разные города: она – в Смоленск, он – в родной Куйбышев. С тех пор его стало изводить и терзать одиночество. Ни дом, ни семья, ни весь город уже не могли вместить всей его неумной мучительной тоски от разбитого сердца. Однажды Доня понял, что просто не сможет больше жить без своей возлюбленной, без девушки, отдавшей ему под нежный рокот морского прибоя на склонах гор Кара-Даг. Ослепленный любовью, Бенин отец решил на самый отчаянный в своей жизни поступок: он оставил дом и отправился на поиски Нади в Смоленск. Не зная

¹ * В 1991 городу возвращено историческое название Самара

ничего кроме ее имени, Донат смог отыскать свою возлюбленную в чужом незнакомом городе и жениться на ней. Однако не много счастливых лет отвела им судьба. В 1978 году во время тяжелейших родов Бенина мать умерла. Донат Исаевич, смиренно приняв этот удар судьбы, стал растить сына один, посвятив ему всю нерастраченную любовь по рано ушедшей жене. Помогать ему было некому: семья Шлейманов отвернулась от Доната, когда тот женился на гойке, а все родственники жены погибли еще в Великую Отечественную войну. Единственным утешением в жизни бедного еврея стал сын, которого он назвал в честь главного героя любимой с детства книги: «Одесских рассказов» Бабеля. Он всегда говорил: «Беня Кр'ик – вот евр'ей, котор'ый-таки мог постоять за себя.»

Донат Шлейман умер в начале прошлого года. Казалось, еще недавно он так раздражал Бена своими дотошными ежевечерними звонками, всякий раз говоря: «Здр'авствуй, сынок. Как ты себя чувствуешь? Имел ли ты сегодня сутр'а пор'ядочный стул?» А теперь эти звонки прекратились, и не стало больше его самого близкого и дорого человека. Бен часто не понимал своего отца, но зато безмерно его уважал. Это всеобъемлющее уважение порой даже скрывало от Бена его собственную точку зрения. Привыкнув во всем спрашивать совета у своего отца, он утратил способность мыслить самостоятельно. Бен никогда не искал смысла в отцовских словах, целиком принимая их на веру. Всю свою жизнь он построил в соответствии с его заветами, которые свято чтит, не подвергая сомнению. Когда Доната Исаевича не стало, Бен столкнулся с бездной неизвестности. Он был, как незнающий текста актер, вышедший на сцену в театре жизни: с уходом суфлера, он не имел ни малейшего представления о том, что значил весь его предыдущий монолог, а тем более не знал, что читать зрителям в дальнейшем. Смерть отца заставила его впервые разобраться в своей жизни, по-новому оценить собственные идеалы и принципы. И чем больше Бен вглядывался в свое настоящее, тем более отвратительным оно ему представлялось: ни целей, ни удовольствия, ни счастья – лишь пустое существование.

Все эти мысли и воспоминания на некоторое время отвлекли Шлеймана от текущих проблем. Он сидел у окна, отрешенно наблюдая, как большая черная птица выклевывала внутренности раздавленной на дороге крысы. Почувствовав на себе пристальный взгляд Насти, Бен повернулся, и она продолжила разговор:

– Признайся, что ты меня просто не любишь.

– Не правда. Ты сама это знаешь.

– Знаю?! Я смотрю на этот замок и понимаю, что *ничего* о тебе не знаю. Разве может любящий человек вешать на шкафы какие-то дурацкие замки? Любовь – это всегда самопожертвование, взаимопонимание, прощение. Все люди разные – у каждого свои тараканы, но когда они живут вместе и любят друг друга, они идут на уступки. Понимаешь? Приходится отказываться от некоторых своих чудачеств ради любви к партнеру.

– К «партнеру»? Партнеры – это директора двух сотрудничающих предприятий. Это – во-первых. А во-вторых, любовь – это когда ты принимаешь человека таким, каков он есть. Например, ты отказываешься мыть посуду – это твой большой недостаток, но, несмотря на него, я все равно тебя люблю и готов мириться с твоим новым принципом, хоть и считаю его абсолютно несуразным. Незачем подстраиваться под кого-то, предавая себя. Если ты отказываешься от своих убеждений, идей, верований – ты перестаешь быть собой. Я полюбил тебя единой со всеми твоими недостатками – меняя их, ты меняешь всю себя. Причем недостатками они могут оказаться лишь в моем понимании, а в твоём – существенными достоинствами. Так зачем же от них отступать?

– Тогда, если ты любишь меня и принимаешь «с моими новыми принципами», то почему здесь до сих пор висит этот замок? – Настя недоуменно выставила руки в направлении шкафчика с посудой.

– Ты забываешь, что у меня тоже есть принципы, от которых я не собираюсь отказываться. Я уважаю твою позицию, но и ты уважай мою, если любишь меня.

– Хорошо, но тогда как, по-твоему, я должна есть, если ты закрыл наши тарелки?

– Не имею ни малейшего представления. Собственно, именно поэтому я и считаю твой принцип смехотворным.

Настя обиженно отвернулась и несколько секунд просидела молча, сдерживая слезы. Собравшись, она нервно выдохнула:

– Чтобы дальше не ссориться, Беня, я предлагаю тебе компромисс: если уж для тебя все это настолько серьезно, то пусть тогда каждый будет мыть посуду сам за себя.

– Нет. Я с феминистками на компромиссы не иду. Либо ты моешь посуду за нас двоих, либо не пользуешься ею вообще, – эта фраза стала для Насти последней каплей. Вскочив, она как ураган стала носиться по кухне, яростно выкрикивая оскорбления.

– Да как ты смеешь?! Жид проклятый! Да со мной в жизни никто так не разговаривал! Меня еще никто не смел так унижать!

– Что ж... с почином.

– Ты гнусный и жалкий мерзавец. Как я вообще могла столько времени с тобой жить и не видеть, насколько ты отвратителен...

Бенциону Шлейману показалось, что это была самая длинная ночь в его жизни. Гневный поток упреков и обвинений лился на него, как из рога изобилия, вплоть до самого утра. В лучах рассветного солнца он по-прежнему молчаливо сидел напротив Насти. Заплаканная и обессиленная, она подходила к финалу их отношений:

– Ты хочешь мне что-нибудь сказать? Извиниться, например.

– Нет. После всего вышесказанного я считаю, что это тебе следует передо мной извиниться.

В ответ на это Настя лишь глубоко вздохнула:

– Понятно... Тогда забирай свой рюкзак и проваливай к чертовой матери из моей квартиры.

Развязки этой ссоры Бен дождался вот уже последние три часа – он не хотел, чтобы между ними оставалось что-то недосказанным – и услышав, наконец, своеобразные слова прощания, он с легким сердцем и ироничной улыбкой поднялся со своего стула и отправился в спальню. Ровно через 10 минут Бен уже с туго набитым рюкзаком стоял в коридоре, надевая ботинки. Апатичная ко всему и уставшая Анастасия остановила его, когда тот открывал выходную дверь.

– Что-то еще?

– Замок-то свой со шкафа сними.

– А зачем? Ты ведь решила, что больше не будешь мыть посуду.

Бен еще раз улыбнулся на прощание и вышел, захлопнув за собой дверь.

Глава 3

– Слушай, а почему она сказала именно «рюкзак»? – слегка опьянев, Бен Шлейман и его лучший друг Сергей Коваль, сидя в баре, обсуждали недавно пережитое им расставание. Вот уже 10 лет каждые две недели они собирались за стаканчиком кубинского рома в своем излюбленном местечке под названием «Че Гевара», где в клубах сигарного дыма вели оживленные дискуссии на разные темы. Сергей был того же возраста, что и Бен; он носил усы и бороду, вечно ходил в очках и потрепанном пиджаке с кожаными заплатками на локтях, который из-за проблем с лишним весом никогда не застегивал. Сергей повторил свой вопрос, – Так, почему она сказала про рюкзак?

– А ты что ли забыл мою рюкзаковую теорию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.